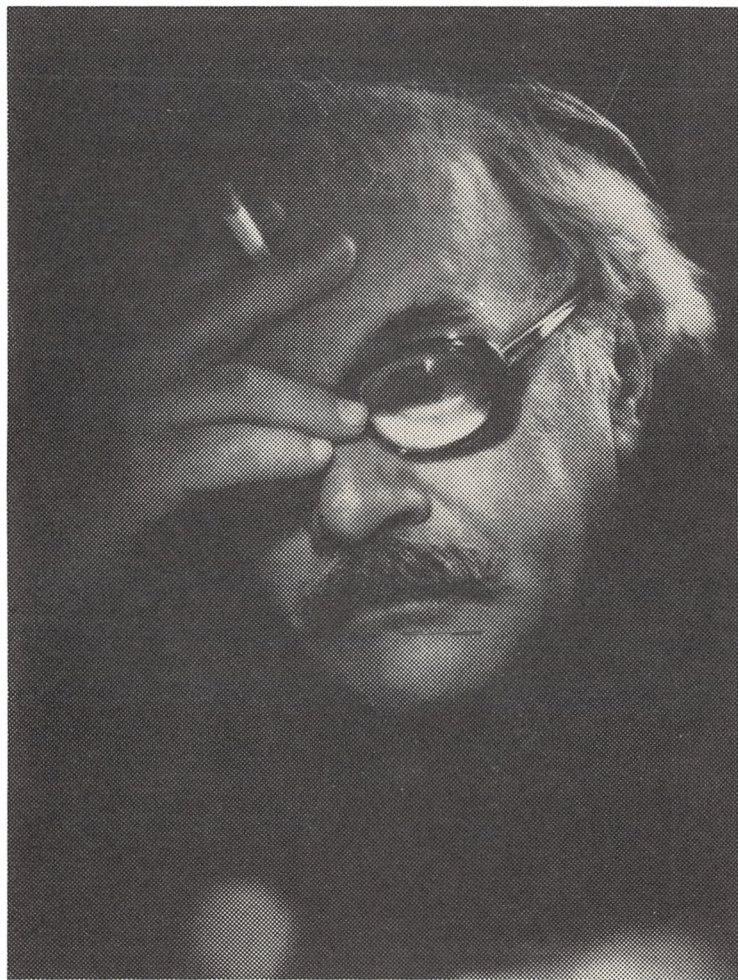

Д. САМОЙЛОВ
Горсть

Д. САМОЙЛОВ
Горсть

Д. САМОЙЛОВ
Горсть
КНИГА СТИХОВ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989

ББК 84 Р 7
С 17

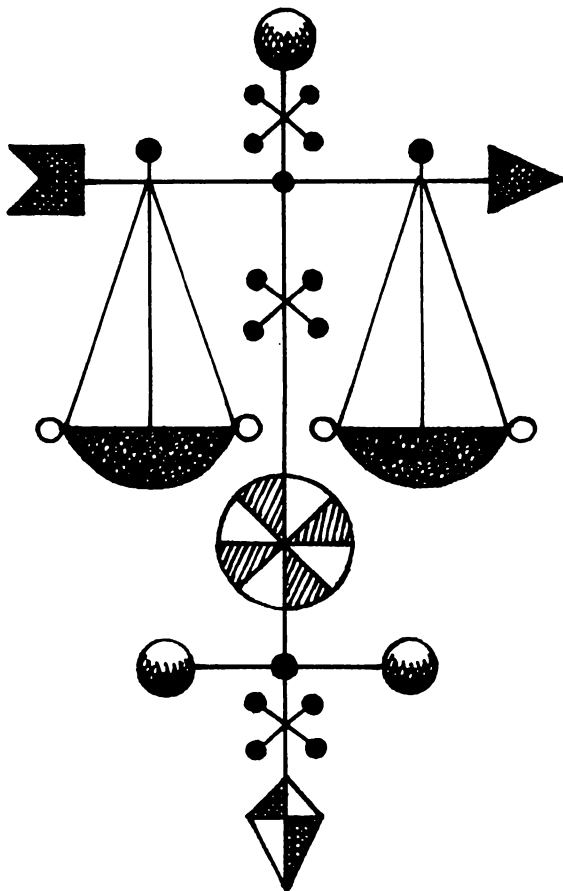
Художник
Игорь КУКЛЕС

4702010202—178
С 236—89
083(02) — 89

ISBN 5—265—00736—9

© Издательство
«Советский писатель», 1989

Беатриче

Откуда Беатриче? Да еще не под синим небом Италии, а на фоне хмурой Прибалтики? Оттуда же, откуда многие Дамы Блока — из знаковой системы культуры. Культура накапливает образы, понятия и опыт чувств. Все, кто соприкасаются с культурой, не могут не усваивать ее знаковых значений.

Для меня Беатриче — знак суровой, требовательной и неосуществленной любви.

Мой цикл сложился как ряд переживаний, связанных с категориями чувств.

Ссылка на накопленные значения составляет суть культурной традиции, вне которой не существует развитая поэзия. Она есть и в шестикрылом серафиме Пушкина, и в сапоге ломающего каноны Маяковского, где гвоздь кошмарней фантазии Гёте.

Один критик, сторонник поэзии «простодушной», уже успел упрекнуть меня в книжности, наткнувшись в моем цикле на имена Беатриче, Лауры, Данте, Петрарки и Дон Кихота. Наверное, ученые педанты, со своей стороны, упрекнули меня в невежестве относительно реалий подлинных отношений Данте и Беатриче.

Выше я ответил тому и другим.

БЕАТРИЧЕ

Говорят, Беатриче была горожанка,
Некрасивая, толстая, злая.
Но упала любовь на сурового Данта,
Как на камень серьга золотая.

Он ее подобрал. И рассматривал долго.
И смотрел и держал на ладони.
И забрал навсегда. И запел от восторга
О своей некрасивой мадонне.

А она, несмотря на свою неученость,
Вдруг расслышала в кухонном гаме
Тайный зов. И узнала свою обреченность.
И надела набор с жемчугами.

И, свою обреченность почувствовав скромно,
Хорошела, худела, бледнела,
Обрела розоватую матовость, словно
Мертвый жемчуг близ теплого тела.

Он же издали сетовал на безответность
И не знал, озаренный веками,
Каково было ей, обреченной на вечность,
Спорить в лавочках с зеленщиками.

В шумном доме орали драчливые дети,
Слуги бегали, хлопали двери.
Но они были двое. Не нужен был третий
Этой женщине и Алигьери.

АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА «ЛАУРИ»

У нас с тобой каникулы
В круглогодичной школе
Взаимных обучений.
Кругом луга и выгон.
Дорога вьется в поле.
Автобус предвечерний.

А остановка «Лаури»
Вдруг может стать Лаурой.
На фоне ровной травки
Возможно в светлой ауре
Среди природы хмурой
Явление Петрарки.

Откуда здесь? В неведенье.
Но где-то за лугами,
Где не подозревают,
«Божественной комедии»
Зловещими кругами
Округа вызревает.

А дальше — силы женственной
Два образа, что мýлы
Душе в своем различье.
Поэзии божественной
Две жертвы. Две могилы.
Лаура. Беатриче.

* * *

Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!
Ведь каждый миг я изменяюсь сам.
А нынче мне приснилось почему-то,
Что мы живем по солнечным часам.

А солнца нет. В душе темно, как в штольне.
И циферблат луны туманом скрыт.
И лишь на вильяндиской колокольне
Двенадцатый удар. Звонарь не спит.

* * *

Желанье и совесть — две чаши
Весов. Если нет равновесья,
Желанья бессовестны наши.
А совесть — сплошное увечье.
И в самоубийственном раже,
Как жуткий пожар чернолесья,
Дымится нутро человечье.

ДЕНЬ

Увижу рассвет за венозным окном,
Пойму, что не надо тягаться со сном.
Теперь уже можно не спать, не дремать,
А лишь ожиданьем себя донимать.

А дождь не стихает и днем.

Сперва буду ждать вдохновенной строки.
Но рифмы трещат, как стропила.
Да! Боги мои обжигают горшки,
А я лишь леплю их уныло.

Потом ожидать начинаю письма.
И жду, чтобы дети восстали от сна.
И чтобы ты кофе сварила.
И чтобы ты заговорила.

Но оба мы ждать начинаем врага.
Ты соль уронила вблизи очага.
Ах, жаль, что солонку разбила!

Сначала его я хотел бы убить.
А после — его я хотел бы забыть.
А после — его я хотел бы любить.
Как мертвого любит могила.
А может быть, даже сильнее стократ.

Но вскоре уже наступает закат.

А дождь все шумит за венозным окном.
И можно утешиться только вином,
А может, ударом булата.
Все ждать, ожидать и опять ожидать,
И ждать, чтобы все повторилось опять.
Чтоб кончилось это когда-то.

ДОН КИХОТ

Так за день устаю от битвы с ветряками
И от фантазии испанской,
Что к вечеру хочу в трактире с мужиками
Стать Санчо Пансой.

Смешной старик, худой, седоволосый,
Молчу. Кому нужна изысканная проза!
Молчу и слушаю. Но вдруг бледнею,
Когда заговорят про Дульцинею,
Про Дульцинею из Тобозо!

Что говорят о ней, о девке с сеновала!
Смешной гидальго, встань, ведь ночь не миновала,
Клюй до утра свое небесное зерно.
А утром вновь пойдешь войной на мнимых чудищ.
Но с Санчо Пансой воевать не будешь.
Да и ему с тобой сразиться не дано.

* * *

Ты подарила мне вино,
Как крепость старому вину.

Сперва меня давила в чане,
Как кахетинские крестьяне
Тугие грозди Алазани
Жмут, беспощадные к плодам.

Потом меня лишила плоти.
А кровь мою, что изопьете,
Я при застолье вам подам.

СТРАСТЬ

В страстях, в которых нет таланта,
Заложено самоубийство
Или убийство. Страсти Данта
Равны ему. Растут ветвисто.

Страсть — вовсе не прообраз адюльтера.
В ней слепота соседствует с прозреньем,
С безмерностью — изысканная мера:
Слиянье бога со своим твореньем.

В ней вожделенья нет. И плотью в ней не пахнет.
Есть страсть духовная. Все остальное — ложь.
И криворотый образ леди Макбет,
Которая под фартук прячет нож.

* * *

Вот в эту пору листопада,
Где ветра кислое вино,
Когда и лишних слез не надо —
В глазницах сада их полно,

Тебя умею пожалеть.
Понять умею. Но доныне
Никто не мог преодолеть
Твоей заботливой гордыни.

Ты и сама над ней не властна,
Как все не властны над судьбой.
А осень гибелью опасна.
И прямо в горло бьет прибой.

* * *

Соври, что любишь! Если ложь
Добра, то будь благословенна!
Неужто лучше ржавый нож
И перерезанная вена?

Да! Притворись! Мне правду знать
Невыносимо, невозможно.
Лелей неправды благодать,
Как в колыбели, осторожно.

45-я ГАЙДНА

Исчерпан разговор. Осточертели речи.
Все ясно и наглядно.
Уходят наши дни и задувают свечи,
Как музыканты Гайдна.

Брать многого с собой я вовсе не хочу:
Платок, рубашка, бритва.
Хотел бы только взять последнюю свечу
С последнего пюпитра.

Когда свой приговор произнесу в ночи
Под завыванье ветра,
Быть может, отрезвлюсь, увидев, как свечи
Истаивает cedра.

* * *

Не для меня вдевают серьги в ушки
И в зеркало глядятся.
О милая, обмана не нарушайте,
Свершая святотатство!

Не для меня небрежна эта складка,
Блеск янтаря на шейке.
О милая! Так улыбайтесь сладко,
Цветите, хорошейте.

Я знаю все равно, что на излете
Сей тривиальной прозы,
Заплаканная, вы ко мне придете.
Я поцелую слезы.

И обниму вас с болью злобной ласки
И жалостной отрады.
И потечет размыв ресничной краски
На кровь губной помады.

БАБОЧКА

Я тебя с ладони сдуну,
Чтоб не повредить пыльцу.
Улетай за эту дюну.
Лето близится к концу.

Над цветами по полянам,
Над стеною камыша
Поживи своим обманом,
Мятлик, бабочка, душа.

* * *

Ах, наверное, Анна Андреевна,
Вы вовсе не правы.
Не из сора родятся стихи,
А из горькой отравы,
А из горькой и жгучей,
Которая корчит и травит.
И погубит.

И только травинку
Для строчки оставит.

ИДИЛЛИЯ НА ПОТОМ

Рассчитаемся не мы — потомки
Порешат, кто прав, кто виноват.
Так давай оставим им потемки.
Пусть мой стих им будет темноват.

Пусть от нас останется легенда,
Росказни, почтовые лубки,
Бонбоньерка, выпускная лента,
Поздравительные голубки.

И еще — любительские снимки,
Где улыбчивы Она и Он,
Что, наверно, выжмут две слезинки
У красавиц будущих времен.

Пусть останется... А остальное
Поскорей пусть порастет быльем —
Все, что мы с тобою знаем двое.
Ночь. Тоска. И ветер за окном.

РЕПЛИКА ДАНТЕ

О, вы ее не знаете!

В ней есть
Умение обуздывать порывы.
И, следовательно, свобода воли.
Мы оба несчастливы,
Но откровенны.

Это можно нам зачесть
За счастье в каждом нашем разговоре.

Она меня не любит. Да и я
Люблю, быть может, лишь свое творенье.
Но часть его — она.
Когда душа моя отрешена,
Когда картину ада видит зренье,—
Она со мной и целиком моя.

По улицам в толпе я прохожу, ненастен,
Извозчичьих трактиров чуя чад.
На площади ее встречаю.

— Мастер,

Как спали вы?

— Я спал, мадонна, видел Ад.

ПОД УТРО

Так с тобой повязаны,
Что и в снах ночных
Видеть мы обязаны
Только нас двоих.

Не расстаться и во сне
Мы обречены,
Ибо мы с тобою не
Две величины.

И когда расстонется
За окном борей,
Я боюсь бессонницы
Не моей — твоей.

Думаешь. О чем, о ком?
И хоть здесь лежишь,
Все равно мне целиком
Не принадлежишь.

Я с твоими мыслями
Быть хочу во мгле.
Я хочу их выследить,
Как мосье Мегре.

А когда задышишь ты
Так, как те, кто спят,
Выхожу из пустоты
В сон, как в темный сад.

Тучи чуть светаючи.
Месяц невесом.
Мысли лишь пугаючи.
Сон есть только сон.

* * *

Действительно ли счастье — краткий миг
И суть его — несовершенство,
И правы мы, когда лобзаем лик
Минутного блаженства?

И где оно, мерило наших прав?..
О жалкое мгновенье,
Когда пчела взлетает с вольных трав
И падает в варенье!

Нам суждено копить тяжелый мед,
И воск лепить, и строить соты.
Пусть счастья нет. Есть долгие заботы.
И этой жизни милый гнет.

* * *

Я вас измучил не разлукой — возвращеньем,
Тяжелой страстью и свинцовым мщеньем.
Пленен когда-то легкостью разлук,
Я их предпочитал, рубя узлы и сети.
Как трудно вновь учить азы наук
В забушевавшем университете!

Как длинны расстоянья расставаний!..
В тоске деревья... Но твоя рука.
И капор твой в дожде. И ночью ранней
Угрюмый стук дверного молотка...

ОНА

Неверие тому, что даже очевидно.
Мир полон призраков, как Лысая гора.
Ни пенье петуха, ни жаркая молитва
Не прогоняют их с утра и до утра.

Сгинь, наважденье, сгинь! Замкни страницы, книга,
Слепи между собой, чтоб их не перечесть!..

.
Она томит, как ярость, злость и месть.
Она не чтит причин. Она равновелика,
Когда причины нет, когда причина есть.

* * *

Устал. Но все равно свербишь,
Настырный яд, наперекор хотеньям.
Как будто душу подгрызает мышь.
Душа живет под солнечным сплетеньем.

Казалось, что она парит везде
И незаметно нам ее передвиженье.
И почему теперь я знаю, где
Ее точнейшее расположенье?

И почему она
В иные времена
Как бы растворена в потоке ровной воли?
Как будто нет ее. И лишь в минуты боли
Я знаю: есть душа и где она.

* * *

Веселой радости общенья
Я был когда-то весь исполнен.
Оно подобно освещенью —
Включаем и о нем не помним.
Мой быт не требовал решений,
Он был поверх добра и зла...
А огневая лава отношений
Сжигает. Душит, как помпейская зола.

* * *

Когда бы спел я, наконец,
Нежнейшее четверостишье,
Как иногда поет скворец
Весною в утреннем затишье!

Про что? Да как вам объясню?
Все так нелепо в разговоре.
Ну, предположим, про весну,
Про вас, про облако, про море.

* * *

Как я завидую тому,
В ком чувство гордости сильнее
Обид. Кто может, каменя,
Как древний истукан глядеть во тьму.

Но сердце, подступивши к рубежу,
Окаменеть уже не может.
Его воображенье изничтожит...
Уже себе я не принадлежу.

ФАНТАЗИЯ

Фантазия — болезнь причин и следствий,
Их раж, их незаконный произвол.
И непоследовательность последствий.
Фантазия! Она начало зол!

Фантазия — свержение с престола,
Разъятие мировых кругов и сфер.
Ее для нас придумал Люцифер.
Фантазия — слепая ярость пола.

Ломание рогов и рык самца,
Крушение систем и крах теорий.
Она — недостоверность всех историй
До губительной нелепости свинца.

В ней странно то, что голубых красот
Нам не рисует кисть воображенья.
А только хаос, только разрушенье.
Ее не сыщешь в устроенье сот,

В идиллии пчелиных медосборов,
В мелодиях аркадских пастушков...
Несчастлив тот, кто испытал, каков
Ее неукротимый норов.

* * *

Владеть всем тем, что нам дано,
Чем человек богат и чуток!
Не опускаться до того,
Чтобы руководил рассудок!

А отдаваться тем, земным,
Слепым, глухим и безрассудным
Желаньям — тем, что мы храним
Наперекор понятиям скудным,—

Любви, сочувствию, слезам,
Прощенью, отвращенью к крови.
Все это, относясь к азам,
Естественно в своей основе.

* * *

В меня ты бросишь грешные слова.
От них ты отречешься вскоре.
Но слово — нет! — не сорная трава,
Не палый лист на косогоре.

Как жалко мне тебя в минуты отреченья,
Когда любое слово — не твое.
И побеждает ум, а увлеченье
Отжато, как белье.

Прости меня за то, что я суров,
Что повторяюсь и бегу по кругу,
За справедливость всех несправедливых слов,
Кидаемых друг другу.

* * *

Ты скажи: чем тебя я могу одарить?
Ни свободой, ни силой, ни славой,
Не могу отпустить тебя жить и творить
И свой путь по земле невозбранно торить —
Только горстью поэзии шалой.

Потому-то у нас перекресток пути,
Потому-то нам в разные страны идти,
Где мы оба недолго покружим.
Ты раздаривать будешь осенний букет,
Я — разбрасывать старости злой пустоцвет,
Что лишь мне самому только нужен.

* * *

Ты не добра.
Ко мне добра.
Ты не жестока.
Ты со мной жестока.
Хоть ты из моего ребра,
Но требуешь
За око
Око.

Я очи отдал.
Новая заря
Прольется на меня
Как неживая.
Тогда себе найду поводыря.
И побредем мы,
Песни распевая.

* * *

Простите, милые, ведь я вас скоро брошу.
Не вынесет спина
Ту дьявольскую ношу,
Что мне подкинул сатана.

Но все равно я буду видеть вас
И ощущать отчизну.
Я просочусь как газ,
Как облачко повисну.

Но бога не увижу — сатану
Среди кривляющихся ратей,
Когда, узрев тебя в жару чужих объятий,
Услышу вздох твой и, как буря, застону.

* * *

Напиши мне, богомаз,
«Утоли моя печали».
Не на день и не на час
Утоли мои печали.
Словом уст и светом глаз
Утоли мои печали,
Утоли мои печали...

НА РАССВЕТЕ

Почти светает. После объясненья,
Где все разъяснено,
Прозрачный воздух льется в помещенье
Сквозь тусклое окно.

Все фразы завершаем многоточьем...
Проснулись воробьи.
Залаял сонный пес.

И между прочим —
Признание в нелюбви.

* * *

Я написал стихи о нелюбви.
И ты меня немедля разлюбила.
Неужто есть в стихах такая сила,
Что разгоняет в море корабли?

Неужто без руля и без ветрил
Мы будем врозь блуждать по морю ночью?
Не верь тому, что я наговорил,
И я тебе иное напророчу.

ФИНАЛ

Любить, терзать, впадать в отчаянье,
Страдать от призрака бесчестья
И принимать за окончание
Начала тайное предвестье.

Утратить волю, падать, каяться,
Решаться на самоубийство,
Играть ва-банк, как полагается
При одаренности артиста.

Но, перекраивая наново
Все театральные каноны,
Вдруг дать перед финалом занавес
И пасть в объятья Дездемоны.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОХОД БЕАТРИЧЕ

По окончанье этой грустной драмы
Пусть Беатриче снова просквозит.
Разъехались актеры. До утра мы
Одни. И нам не нужен реквизит.

Ах, реквизит не нужен. Только тени
Вещей, предметов, туч, деревьев, трав.
Я предпочту играть на голой сцене,
Всю нашу бутафорию убрав.

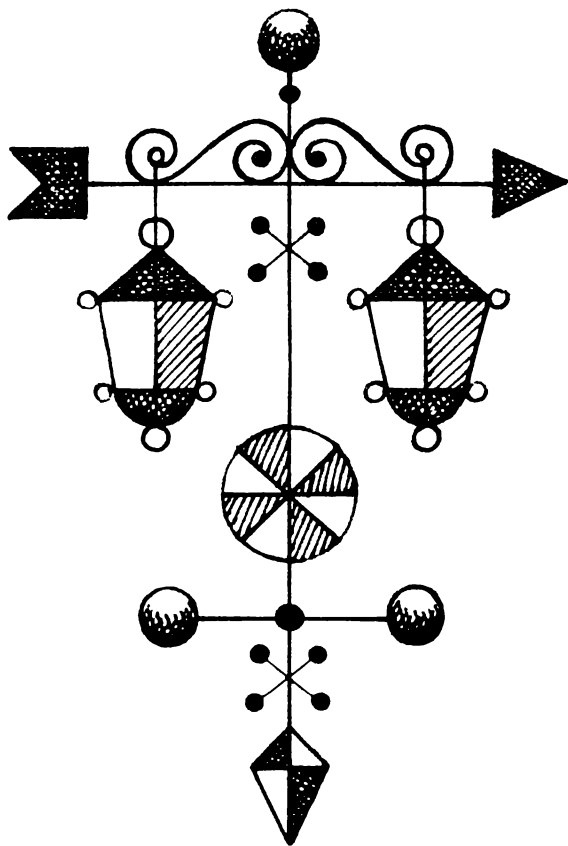
Я бы сыграл одни лишь наважденья.
Но вдруг услышу Беатриче шаг,
Когда она походкой Возрожденья
Минует зал и делает мне знак.

Уже от глаз моих бегут предметы,
И только слышатся ее шаги.
Ты — силуэт. Все вещи — силуэты.
Не вижу, Беатриче, помоги!

Не надо. У меня не хватит духа
На монолог — венец старинных драм.
Ступай. Уже мне яду влили в ухо.
А остальное доиграю сам.

Сыграю среди этой ахинеи
Деревья, травы, тучи и дожди...
Играть себя мне с каждым днем труднее.
Не нужно, Беатриче. Уходи.

Разные стихотворенья

Иногда мне кажется, что я разучился писать. Это может означать конец творчества. Но до сих пор означало для меня вызревание новой темы. В такие периоды то, что мы называем поэтикой, распадается и как бы не существует. Поэтики нет без темы.

Долго я писал о вечных темах любви и смерти. Теперь мне кажется, что нравственное назначение поэзии — писать о жизни. То есть о том, как жить. Именно поэтому я ввожу читателя в поиски темы. Время настоятельно требует решения вопроса о том, как будет жить каждый из нас, как будет жить Россия и все человечество. В этой необходимости мы можем помочь друг другу — читатель и я.

Вечные темы не отменяются, а должны предстать в других ипостасях — в их соотношениях с жизнью. При достойной жизни любовь содержательней и возвышенней смерти.

* * *

Трудней всего выздоровленье памяти.

Спрошу:

— Ты помнишь? —

Скажешь:

— Нет причины.

Увижу камедь — я леплю из камеди.

Увижу глину — я леплю из глины.

И лепится какая-то нелепица,

Какие-то уродцы, карлы, мимы,

А память, может, вовсе и не лечится.

Пути господни неисповедимы!

* * *

Поверить новым временам
Не так легко при ста обманах.
И впрямь нужна ли правда нам
В разоблачительных романах?

И нужно ли разоблачать
То, что давно уже знакомо:
Умение не замечать
Попранье права и закона?

И неужели в том открытье,
Что мы должны во все поры
Правдиво отражать событие,
А там пусть хоть в тартарары?!

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Бой вспоминается потом.
В тылу. На госпитальной койке.
Ночами часто будит стон
Тяжелораненого Кольки.

Прокручивается кино
На простыне, как на экране.
Обстрел. Команда заодно
С обрывком энергичной брани.

Все возвращается — деталь,
Неподходящая экрану,
Как комсомольский секретарь
Кишки запихивает в рану...

Азарт. Бросок. «Стреляй же, бля!»
«Ура!» звучащее не густо.
Нет, это не годится для
Документального искусства.

Но утренний приход сестриц
Пригоден для кинокартины,
Особенно насчет ресниц
Сестрицы Вали-Валентины.

Ее не тронь! Словцом хотя б!
И не допустят матерщины
Не больно верящие в баб
Гвардейцы Вали-Валентины.

О ней возможен разговор
Возвышенный, почти стихами.
Тяжелораненый сапер
О ней во сне скрипит зубами.

А этот госпитальный быт!
О чем еще мечтать пехоте!
Лежишь на чистой койке. Сыт.
И вроде с Родиной в расчете.

Да, было. А теперь печет:
Иные раны, карантинны.
И с Родиной иной расчет.
И нету Вали-Валентины.

ПУШКИН ПО РАДИО

Возле разбитого вокзала
Нещадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись, я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина.

Вокруг
Сновали бабы и солдаты,
Шел торг военный, небогатый,
И вшивый клокотал майдан.
Гремели на путях составы.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Мы это изучали в школе.
И строки позабыли вскоре —
Во времена боев и ран.
Броски, атаки, переправы...
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Вдали сиял пейзаж вечерний.
На ветлах гнезда в виде терний.
Я обнимал девичий стан.
Ее слова были лукавы.
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

И вдруг бомбежка. «Мессершмитты».
Мы бросились в кювет. Убиты
Был рядом грязный мальчуган
И старец, грозный, величавый.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Я был живой. Девчонки тоже.
Туманно было, но погоже.
Вокзал взрывался, как вулкан.
И дымы поднялись курчавы.
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Стояли они у картины:
Саврасов. «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку случилась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели» —
Хорошая это картина.

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из небожно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы его пригласила,
Но в комнате хаос и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чая.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю.

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Оделась.
Семь, восемь. И девять. И десять.

Семь, восемь, и девять, и десять.
Поглядывала из-за шторы.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен.

Наверно, забыл. Или занят...
Известное дело — мужчина...»
А все же «Грачи прилетели»
Хорошая очень картина.

МАША

Маша, женщина из Подмосковья,
В странного художника влюбилась.
Он все лето жил у них в сарае
И писал окрестные пейзажи.
А потом он написал Марию.
«Господи! Неужто я такая!»
А зимой Мария постучалась
В помещенье, где творил художник.
И Мария у него осталась.
А потом он написал картину:
Женщина с зелеными глазами
В синем платье, только что надетом.
«Господи! Ведь он меня не любит!»
И Мария возвратилась к мужу.
Он ее любил. И только спьяну
За измену упрекал нечасто.
Стал художник скоро знаменитым.
Он писал похожие портреты
Академиков и генералов.
Стал богат. А два портрета продал.
Маша, женщина из Подмосковья,
Как-то раз случайно прочитала,
Что открылась выставка в музее.
И она стояла у портрета.
Но ее при этом не узнали.
А ее портрет был самый лучший.
«Господи! Ведь я была такая!»

МАЛОЛЕТОК

В шесть лет он написал стихи про осень.
А было лето. Он был поражен,
Впервые ощутив порыв поэта
И первых рифм двукратный перезвон.
Потом он написал, что рябь ручья
Подобна крупной терке. И еще
Две строчки: «Я хотел бы стать природой,
Быть птицей, яблонею или снегом».
Потом в семь лет: «Я не могу не быть».
Он был довольно хлипок, большеглаз
И лопоух. Не избегал проказ.
Но постоянно мучила ангина.
Тогда в постель укладывали сына
Родители. И это он любил.
В ушах его жужжало и шумело,
Кровать его взлетала и летела.
Он сочинял: «Разбойничий фрегат
Летит по небу, весел и пернат».
Болея, прочитал десятки книг.
Любил халву. И странный вел дневник.
Родители, конечно, понимали,
Что сын их гений. И ему внимали.
Перепечатывали каждый стих.
Показывали людям. Что взять с них!
Друзей он не имел, поскольку сильно
Опережал ровесников.

В двенадцать
Влюбился страстно. Но его предмет
Был старше ровно на двенадцать лет.

Он ей писал: «Я буду плакать дико,
Когда тебя утрачу, Эвридика!»
Ей был смешон невинный мизантроп,
Но поощрен был поцелуем в лоб...

Он числился при Доме пионеров
В литературной студии «Ромашка».
Руководитель студии, бедняжка,
Был сам поэт. И не любил талантов.
Ему был нужен заурядный фон.
К тому ж обиду затаил писака,
Поскольку мальчик про него сказал:
«Мне стыдно было бы писать, как он».

Итак, отсутствием успехов внешних
Уравновешивалось восхищенье
Знакомых и родителей.

Но вдруг

В их городок примчалась из столицы
Ваятельница Голубых Чудес,
Имевшая в большой газете вес.
Стихи ребенка даму покорили,
В восторженно-сентиментальном тоне
Оттопала она на «ремингтоне»
Статью, где объявлялся новый гений.
(А нас давно уверила печать,
Что в гении возможно назначать.)
Подборку напечатали в газете.
И тут о мальчике заговорили.
(У нас когда уже заговорят,
То в говорении не знают меры.)
Прославилась «Ромашка». Всю семью
Сто раз отобразили в интервью.
Уж малолетка прочили в Гомеры.
Откликнулись на это пионеры,
Водители такси, пенсионеры,
Учителя, артисты, инженеры
И прочие любители стихов...

Один поэт, довольно знаменитый,
Почуяв славы душный запах,
О малолетке написал стишок.

Семья цвела. Его боготворили.
И даже в школе был он полубог.
Он стал заносчив, то есть одинок.

А как стихи? Да так. Он их писал,
Уже не ожидая вдохновенья.

Взрослел. Но стих его не повзрослел.
Тогда он начал нажимать на тему.

И строки шли уже натужно, вяло,
Неискренне — дыханья не хватало.

Он был еще хвалим, но постепенно
К нему утрачивали интерес.

Он стал угрюм и зол. Забросил книги.
Родители шептали про интриги,

Про зависть в литераторских кругах.
А он остановился и зачах.

Ему обрыдла жизнь. Живя во мгле,
Порой он горло примерял к петле...

Вы скажете, его убила слава.

Не думаю. Ее шипучий хмель
Бодрит и возбуждает вдохновенье.

Нет, он упал, как недозревший плод.

Поэты совершаются в семнадцать —
Чуть раньше или позже. А в ребенке

Вдруг возникает образ, звук, число.

Поэзия — душевный опыт в слове.

И в ней метафоры — остаток детства.

Лишь на заре людского разуменья

Основою был образ, а не мысль.

Дитя-поэт — виденье давних эр,
Ожившее дитя палеолита,

Смятенное среди иного быта,

Поскольку вспомнило то, что забыто,—

Язык природы и небесных сфер.

Им надо много сил, чтобы прийти
Оттуда к нам. И сохранить при этом
Начальное, услышанное там.
А мы поспешно поселяем их
У нас. И кормим их своим сюжетом,
Который так неудобоварим.
Но наши страсти непосильны им...

Поэты начинаются тогда,
Когда их, словно на тугом батуте,
Подбрасывает время сколько нужно,
Чтобы при этом не сломать костей!..

Родители невиданных детей,
С ребенком обращайтесь осторожно!
Ужасен стиль восторженных статей.
Не верьте им. Их содержание ложно.
Храните тех, кто обретает речь!..
А впрочем, вундеркиндов можно сечь...

РОМАНС

Поворожи, цыганка,
На картах погадай,
Ограбь меня до нитки,
Но молодость отдай!

Обобранный до нитки,
Неловкий, молодой,
Поеду я в пролетке
С лошадкою гнедой.

— Скажи-ка мне, извозчик,
Куда меня везешь?
Ведь у меня в кармане
Один несчастный грош.

Извозчик мне ответит:
— Не можешь — не плати.
Ведь сам не знаешь, малый,
Куда тебя везти!

Ни молодой, ни старый,
Ни мертвый, ни живой,
Обобранный до нитки,
Я побреду Москвой.

И вдруг — знакомый дворик,
Где сушится белье.
— Привет, мой друг Татьяна,
Пусти меня в жилье.

— Прости меня, мой милый,
Что не могу пустить.
За то, что не любила,
Не можешь мне простить.

Я отойду печальный —
Все вспомнил, все забыл.
— Тебя, мой друг Татьяна,
Так мало я любил!

Забыто — не забыто.
И больно. И светло.
И то, что будет после,
Уже произошло.

ВЕЧЕРОМ

Мальчик играл в оловянных солдат,
Девочка куклу качала.
Этот тысячелетний обряд
Весь повторялся сначала.

Девочка спела свое: «Ай люлі»,
Мальчик заснул героем.
Ветки качались. По небу шли
Тучи сомкнутым строем.

Глаз не смежая, кукла спала.
И на ночном привале,
В кучу сбившись у края стола,
Стоя солдатики спали.

ЦЫГАНЕ

Нас в детстве пугали няни,
Что уведут цыгане.
Ах вы, нянюшки-красавицы,
Жаль, что меня не украли.

Бродил бы с табором лунным.
(Странно-туманно.)
Кони под месяцем юным.
Запах тимьяна.

Где вы, мои цыгане,
Плясуны, конокрады?
Где вы, мои цыганки,
Где вы, сердца отрады?

В поэзии нашей великой
Есть цыганская нота.
И звучит эта нота,
Когда уже жить неохота.

«Странно-туманно.
Расстались неожиданно.
На сердце рана
И жизнь не желанна».

Пока луна не погасла,
На свете будет цыганство:
Песня, обман, лукавство,
Скрипка и постоянство.

Я помню цыгана Игната
В городе Кишиневе.
Он мне играл когда-то
О давней моей любви.

«Странно-туманно
Вечером рано.
Расстались нежданно
И на сердце рана!»

Узел моей печали,
Скрипка, стяни потуже...
Ах, если б нянюшки знали,
Как спасти наши души!

* * *

Играй, Игнат, греми, цимбал!
Под скрипку и цимбал
Вот здесь я Анну целовал
И слезы проливал.

Играй, Игнат! Игра твоя
Хмельнее, чем вино.
Играй! Ведь молодость моя
Отыграна давно!

Со мной играли бой и смерть,
Начало и конец.
Со мной играли сталь, и медь,
И порох, и свинец.

Со мной играли дождь и снег,
Фугас и самолет.
Со мной играл Нечеловек
И сорок первый год.

Играй, цыган! Играй, Игнат!
Терзай струну, как зверь,
Во имя всех моих наград
И всех моих потерь.

Ведь здесь последний мой привал,
Где ты тогда играл,
И где я Анну целовал
И слезы проливал.

* * *

Водил цыган медведя,
Плясал его медведь,
А зрители-любители
Ему бросали медь.

И девочка-цыганочка,
Как вишенки зрачки,
Ловила в звонкий бубен
Монетки-пяточки.

А как она плясала —
Плясала как жила —
И ножками притопывала
И плечики трясла!

Пляши, моя цыганочка,
Под дождичком пляши,
Пляши и для монетки,
А также для души.

В существованье нашем
Есть что-то и твое:
Ради монетки пляшем,
И все ж не для нее.

В НОЧНОМ

Были ветер и дым.
Были травы и кони.
Совершенством своим
Конь подобен иконе.

Так же чист его лик,
Так же взор его светел.
Были луг и тальник,
Были травы и ветер.

Был костер и казан,
Полунощная птица.
Конь, луна и цыган.
Сны, которым не сбыться.

* * *

Путь мой юный, свет мой ранний,
Долгий свет солнцестояний.

Будут дни чуть-чуть короче,
Будут чуть длиннее ночи.

Будут чуть длиннее ночи,
Будут чуть грустнее очи.

Чуть грустнее, чуть печальней.
Свет мой поздний, путь недальний.

* * *

Знаю: дерево это в июне
Достигает духовных высот.
Как роскошно оно в новолуние,
Как сильны его запах и пот!

Расстилается лунная пажить,
Расплываясь в рассветном дыму.
Молча дерево что-нибудь скажет,
Молча месяц ответит ему.

Друг на друга с улыбкою глянут
И увидят, что скоро рассвет.
И тогда уж пернатые грянут
Уходящему месяцу вслед.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Ветер звал. Тропа вела.
Желтый мед луна лила.

Ночь была большой и сильной,
Как табун степных коней.
Лишь потом полоской синей
Прочертилось утро в ней.

Посерели небеса.
И заплакала роса.

В небесах уже мельчали
Кучи звездного зерна.
И, как сахар в желтом чае,
Быстро таяла луна.

Ветер звал. Тропа вела.
Солнце грызло удила.

* * *

Слышно все. В соседней улице
Проквозила легковая.
Ветер с яблоней целуется
До зари, не уставая.

Фортка хлопнула. Калитка пискнула.
«Скорая» проквакала сиреной.
Слышно: с расстояния неблизкого —
Крякнул дуб под тяжестью вселенной.

Слышно: яблоко, достигнув спелости,
С ветки уронилось с мягким стуком.
Каждый звук здесь остается в целости,
Не соединяясь с прочим звуком.

Даже слово медлит на губах,
Чтоб не затеряться в разговоре.
Главное, что в пятистах шагах
Молча страсти сдерживает море.

* * *

А иногда в туманном освещенье
Евангельский сюжет изображает клен —
Сиянье, золотое облаченье,
И поворот лица, и головы наклон.

И, замерев, ты чувствуешь усладу
И с умиленьем ждешь своей судьбы.
И ждешь, чтоб месяц засветил лампаду,
Чтоб вознести молитвы и мольбы.

* * *

Овсяночки, малиновки, щеглы,
Клесты, кукушки, иволги, синицы.
На рассвете так они щедры,
Что нельзя не присоединиться.

Хочется защелкать, засвистать,
Повторить мотив певучей птицы.
Или с палочкой за пультом встать,
Как бывало некогда при Бахе.

Но, пожалуй, из таких затей
Только гений извлечет немало.
Без шестнадцатых и четвертей
Он услышит главный тон хорала.

Это могут Моцарт или Бах —
Всею стаей в нотный стан нагрянуть,
Рассадить на всех линейках птах,
Встать за пульт, взмахнуть смычком — и грянуть.

Гений прост, когда часов с пяти
Птицы скопом распевают в чаще.
Вслушаться, понять, что это — счастье,
И свободно воспроизвести.

КОЛОРИТ

Рябины легкое вино.
И синий звук. И желтый отзвук.
И все во всем отражено.
И все объединяет воздух.

И словно бы несовместимы
Сиена и ультрамарин.
Но где-то в глубине картины
Цвет слабой синькой растворим.

Не для того изобразила
Природа образец холста,
Чтоб ляпал на него мазила
Несовместимые цвета.

Она зовет не к подражанию,
Создав воздушную среду,
А к озаренному дерзанию
И кропотливому труду.

И тут уж осень золотая
Легонько постучит в окно,
Колебля воздух и глотая
Рябины легкое вино.

ОСЕНЬ

Д. Х.

В уходе есть свое величье.
Когда, не подсчитав потерь,
Выходят прямо в безграничье
И не запахивают дверь.

Перед морозом, перед снегом,
Перед бесчинством непогод.
И можно ли считать побегом
Великой Осени уход?

Уж ветер северо-восточный
В листве копается, сварлив,
Как архивариус дотошный,
Долистывающий архив.

А тот архив уже не нужен.
Отказываться нам пора
От стилистических жемчужин,
От легких шалостей пера.

Ступай вдоль серого залива,
Мечи следы на пляж пустой,
Беседуя неторопливо
С землей, водой и высотой.

* * *

Мороз! Накликал сам! Ведь слово — колдовство!
Пророчества свои произносить не стоит.
А я призвал Мороз! Зачем призвал его?
Теперь, как псы, у нас ночами печки воют.

Мы можем иногда владеть толпой причин
И силою молитв влиять на ход вселенной.
Но следствия темны. Так лучше промолчим.
И лучше не дадим свободы воле пленной.

ЗИМНИЙ КОМАР

Зима. И вдруг — комар. Он объявился в доме.
Звенит себе, поет, как летнею порой.
Откуда ты, комар? Как уцелел в разгроме?
Ты жив еще, комар? Ты — истинный герой!

А на дворе метель. И ночь зимы ненастной.
В окне сплошная темь. В стекло гремят ветра.
А здесь поет комар — уже он безопасный.
И можно уважать упорство комара.

Он с лета присмотрел укромное местечко.
И вот теперь гудит, как малый вертолет.
Слились в единый хор метель, и он, и печка.
Не бейте комара! Пускай себе поет!

А может быть, придут дни поздних сожалений,
И мы сообразим, что в равновесье сил —
Ветров и облаков, животных и растений —
Он жил совсем не зря и пользу приносил.

И будет славен он, зловредный сын болота,
И в Красной книге как редчайший зверь храним,
И будет на него запрещена охота,
И станет браконьер охотиться за ним.

Гудит, поет комар, ликует напоследок,
Он уцелел в щели и рассказал о том.
Не бейте комара хотя б за то, что редок.
А польза или вред узнаются потом.

ПОСЛЕ СУРОВОЙ ЗИМЫ

Снег все же начал таять. Суть
Победна. И весна хоть робко,
Но начала торить свой путь.
Уже подтаивает тропка.

Черны, крепки деревья так
В рисунке своего скелета,
Что могут сохранить костяк
В роскошном оперенье лета.

Уже на новом рубеже
Стоят небесные светила.
И время летнее уже
Нам радио провозгласило.

Так побеждает суть. В саду
Вокруг деревьев глубже лунки.
И радуют на холоду
Синиц серебряные струнки.

Суть времени уже ясна.
Пусть неуступчива погода,
Грядут иные времена,
Извечно, как у Гесиода.

Снег начал таять. В этом суть.
И здесь мерило высшей пробы.
Уже весна торит свой путь.
А формы тают, как сугробы.

ВЕЛЕС

Какая прелесть майский лес,
Не озабоченный и не усталый!
Как будто скотий бог Велес
Играет там на дудке малой.

Его выкармливает солнце.
И не внушают времена
Жестокости иконоборца.
«Живу! Живу! Не тронь меня!»

* * *

Птичка маленькая пела
На серебряном рассвете
Так осмысленно и грустно,
Как озябшая душа.

Солнце встало. Смолкла птичка.
Прянул ветер. Одуванчик
Просушил свою головку
И беспечно разлетелся.

СТАРАЯ МАМА

Как червячок,
Закутавшийся в кокон,
Полуслепая
И полуглухая,
Она грызет тихонько
Домик свой,
Чтоб маленькою бабочкой взлететь
И, щелк судьбы оставив, умереть.

* * *

Мать ушла. И тонкий полог
Вдруг исчез.
Надо мною звездный холод
В семь небес.

Небеса бездонны эти —
Синь и жуть.
Нас, как рыбу, манит в сети
Млечный Путь.

И теперь иные ночи
Начались.
Ведь твои слепые очи
Смотрят вниз.

* * *

Рученьки мои устали,
Ноженьки мои устали,
Голова моя устала,
Сердце ноет от печали.

Песенка моя забылась,
Лесенка моя сломалась,
Душенька моя замерзла.
Сам не знаю, что осталось.

ДВА ГОЛОСА

Первый

Когда ты восстанешь из мертвых,
Какие ты скажешь слова?

Второй

Нет, я не восстану из мертвых,
Душа моя будет мертва.

Первый

Когда ты вернешься на землю,
Ты снова полюбишь ее.

Второй

Нет, я не хочу возвращаться
В убогое тело мое.

Первый

Да что тебе брэнное тело!
Ты явишь божественный лик.

Второй

Но как же я буду без тела?
Ведь я без него не привык.

Первый

Когда ты восстанешь из мертвых,
Себя от себя отреш.

Второй

Но нужно ли мне воскресенье
Одной бестелесной души?..

* * *

Жить так: без жалоб и обид
На мир, который нас не любит.
И лишь велит, а не сулит
И недовольно брови супит.

Ну а за что любить-то нас?
За что нас мир любить обязан?
Что дал ему наш жадный разум?
Мы отбираем, не чинясь.

Съедаем море, реки, лес,
Вонючий воздух выдыхаем.
Съедаем синеву небес,
Земную зелень пожираем.
Враждуем меж собой. И без
Самоубийства умираем.

* * *

Чудо — познаваемость вселенной
И с природой дивный диалог.
Этот чистый, темный и целебный
Рек, небес, пустынь и моря слог.

Этих гор возвышенные оды,
Пестрые элегии лесов,
Разговор осмысленной Природы,
Примечанья птичьих голосов.

Осторожней принимай признанья
И о тайнах сбивчивый рассказ.
Что-то пусть останется за гранью,
В любопытстве сдерживая нас.

У ПЕЧКИ

В печи березу жрет огонь,
И пес глядит не отрываясь,
Как пламя злится, извиваясь.
А я к теплу тяну ладонь.

Увы! Романтика печей
Не привлекает москвичей!

А здесь — поленья прогорят,
Польется жаркий теплопад
Наружу из багровой топки.
Тогда заслонку затвори,
Закрой трубу. И воспари,
Разгорячившись, как от стопки.

В саду мороз острее стекла.
Но автономия тепла
Понятней прочих автономий.
При ней и проще, и знакомей
Понятия добра и зла.

* * *

Э. С.

Несовпадения в пространстве
Мы не заметим. Просто мимо
Пройдем рассеяны, бесстрастны.
Рассеемся, как струйки дыма.

Несовпадение во времени —
Тоска о том, чему не сбыться.
Бессмысленное озарение
Томящегося ясновидца.

* * *

День выплывает из-за острова
И очищается от мрака
С задумчивостью Заболоцкого,
С естественностью Пастернака.

Когда их поздняя поэзия
Была дневной, а не вечерней,
Хотя болезнь точила лезвия
И на пути хватало терний.

* * *

В крутокрышем пярнуском доме,
Среди ветра, среди тумана,
Мы живем как в десятом томе
Нескончаемого романа.

Забываем его высоты
И пленительные пейзажи,
И пролистываем эпизоды,
И пробрасываем пейзажи.

Но и все же ты, мудрый Диккенс,
Сочинитель добрых легенд,
Говоришь нам: «Не торопитесь,
Дотяните до хеппи-энд.

А в искусстве скорости первые
Лучше всех других скоростей.
Персонажи второстепенные
Лучше третьестепенных гостей».

Ну а мы, на него досадуя,
Нарушаем его устав.
Через пятое, через десятое
Жизнь бросаем, перелистав.

* * *

Был год неустройства и слома.
Пустые вояжи.
Когда убегают из дома
Как вор из-под стражи.

И все же мы странные воры:
Сломали запоры,
Узлы увязали,
Ушли — и не взяли.

* * *

Есть спор двух душ слиянных — о разъятье,
Спор двух неосторожных, жадных душ,
Спор о свободе, словно о проклятье,—
Двух душ слиянных, залетевших в глушь.

И оба мы живем под впечатленьем
Поэмы, не написанной пером.
То с просветленьем, то с утомленьем
Поэмой этой дышим и живем.

В боренье том неистовом, но истом,
Слиянные навек, как два ручья,
Мы обращаемся к евангелистам:
Ведь верно — боль ценней небытия.

* * *

А помнишь, ты была тогда
Беспамятной воды —
На светлой глади ни следа,
Ни складки, ни черты.

Мы не останемся нигде
И канем в глубь веков,
Как отраженье на воде
Небес и облаков.

. * * *

Меня ты не отпустишь. Осторожно
Введешь меня в Харонову ладью.
И мы тогда пойдем, как невозможно
Сказать: «Постой. Не уходи. Люблю».

Но перевозчик строго, отрешенно
Нас будет ждать, нетороплив и тих,
Покуда я из той ладьи Харона
Благословлю на жизнь детей моих.

И лодочник опустит весла плавно.
Вокруг сомкнется черная вода.
Прости-прощай, княгиня Ярославна,
Твой Игорь не вернется никогда!

Так омочи в реке рукав бобровый,
Омой свои шелковые крыла!
Увидишь тень ладьи во мгле лиловой.
Тогда поймешь, что молодость прошла.

ТРИ НАБРОСКА

1. КОНЕЦ XVIII

Язык, еще не обработан,
Пленяет мощным разворотом
Звучаний, форм и ударений.
В нем высь державинских парений.
С державной лирою Державин
Еще стоит.

Но мы дерзаем
Усвоить речь Карамзина.
И пробует Жуковский лиру.
И муза тяжкую порфиру
Снимает — и обнажена.
Крылов, привыкший к барским креслам,
Лукаво бьет ее по чреслам.
За шторами сентиментальных спален
Цветут романсы с запахом левкоев.
И за полночь не медлит Пален
У государевых покоев.

2. КОНЕЦ XIX

Безвремяе. Отдых души. Девяностые годы.
В подпольных кружках горячо обсуждают программы.
Осенние листья ложатся на голые воды.
И на́ десять лет отодвинуты жгучие драмы.

Поэзия стала цыганской и кафешантанной.
И кажется вялой. Словесный сугроб не подтаял.
Печалится Чехов. Но проза душевных шатаний
Не вяжется как-то с гармошкой фабричных окраин.

Но тайные сути глядят сквозь неясные бреды.
Искусство готовит себя — и отнюдь не для рынка.
И Победоносцев уже не стяжает победы.
Престранное время грядет, где Толстой и Ходинка.

3. МАЯКОВСКИЙ ОТМАЯЧИЛ

И Маяковский отмаячил.
И отлетал «Летатлин».
Стал футуристский звероящер
Отыгранным спектаклем.

И Пастернак отпастерначил,
Оттвардовал Твардовский.
И Мелкий бес кривляться начал
В своей игре бесовской.

Он напустил гееннской серы,
Он ввел закон кулачный.
И свищет муза птичкой серой
На веточке невзрачной.

EXSEGI...

Воздвиг я...

Гораций

Если бы я мог из ста поэтов
Взять по одному стихотворенью
(Большого от нас не остается),
Вышел бы пронзительный поэт.

Тот поэт имел бы сто рождений,
Сто смертей (и даты от и до),
Было б сто любовных наваждений,
Ревностей и ненавистей сто.
Сто порывов стали бы единым!
Споров сто поэта с гражданином!
Был бы на сто бед один ответ.
Ах, какой бы стал поэт прекрасный
С лирой тихой и громогласной!
Был бы он такой, какого нет.

Он тому, что время возвещало,
В строках вещей не дал бы истлеть.
И все то, что память возвращала,
Мог бы навсегда запечатлеть.

Гений роковых сороковых,
И пятидесятих полосатых,
И шестидесятих дрожжевых,
И загадочных семидесятих,
И восьмидесятих межевых!..

Не запятнан завистью и ложью,
Не произносящий слов пустых...
Почиталось бы за честь к подножью
Гения сложить свой лучший стих.

Памятник ему нерукотворный
Я воздвиг бы, и дорогой торной
Стала бы народная тропа.
А на нем я выбил бы слова:

«Да прославятся Кирилл, Мефодий,
Петр и Павел, и Борис, и Глеб...
Монумент единому в ста лицах...
Знаменитому во всех столицах...»

Но, конечно, замысел нелеп.

ХЛЕБНИКОВ

Не думал про стихосложенье,
Как это было в том веку,
Когда боролись за княженье
И пелось «Слово о полку».

Он что-то вспомнил так правдиво
Из темного праязыка,
Что месяц в небе всем на диво
Преобразился в рог быка.

Сородич мифов быкорогих,
Он солнце брал за удила
И шел от шалашей убогих
Бить Прометеева орла.

Он с соколом Бояна бился,
Чтоб лебедей его сберечь...
И так он жил. А к нам явился
Произнести и умереть.

ПОЭТИКА

В поэзии — старение реалий.
Но нет старенья страсти и печалей,
Метафоры стареют и язык,
Но не бессонница во мраке ночи.
Стареет рифма. Ну а если крик
Придет на рифму, то рифмуй попроще.

Поэтику пора бы отменить.
Она — пустейшее из всех занятий.
Но где тогда связующая нить,
Преемственность стремлений и понятий?

Как быть с поэтикой? Один верлибр —
Сторонник разлохмаченной кудели:
С суровой нитью больше канители
И страсотерпцам легче без вериг.

ЛИРИКА

Лирика! «Я», обращенное к «Вам»?
Нет! Обращенное в ночь!
Лирика — осуществление драм,
Где никому не помочь.

Это не жалоба. Чистая кровь,
Что вытекает из жил.
Здесь, как беда, возвращается вновь
То, чем когда-то ты жил.

Это не песнь, не печальный мотив,
Пусть он безмерно высок...
А Маяковский, Ее проводив,
Пулю пускает в висок.

* * *

Г. Е.

Не верь увереньям, наивный,
И, зрячий, ослепни скорей!
Избавься от дрожи противной
И — если стареешь — старей!

А если ты молод — будь молод,
Поверь и друзьям, и любви.
И если не будешь размолот,
То лучше с мое поживи.

Но, из молодых, но не ранний,
Хочу, чтоб скорее постиг
Систему разочарований
И очарований моих.

Тогда, мой поэт и наследник,
Блюдя свою славу и честь,
Привыкни, что ты — из последних.
А вправду ли первые есть?

ЛАБОРАТОРИЯ ПОЭТА

Лаборатория поэта —
Его черновики.
На них есть верная замета
Его души, его руки.

Священнодействует над темой,
Колдует над своей
Периодической системой
Любвей и нелюбвей.

Здесь строят из веществ строптивых
Состав, который загремит,
Воспитывая в тайных взрывах
Изобретенный динамит.

Здесь тот подвал или мансарда,
Где мыслят не по пустяку,
Чтоб под карету Александра
Метнуть взрывчатую строку.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Л. Т.

О нем и память уж почти мертва.
Ушла с друзьями.

Камень и могила
Заросшая. А та, что хоронила,
Его забыла и еще жива.

Земная память, в общем, пустыки.
Когда-то, может, вспомнятся стихи,
Совсем в другом, нездешнем пониманье.
Да не стихи! Две-три строки,
отнюдь

Не лучшие.

Их нынешняя суть
Скорей всего не привлечет вниманья.

ПАРТИЗАНЫ

Спасаться от огня и от набега,
Спасать скотов, добро, себя и чад
Простительно.

Пускай же нас простят
Герои войн и мученики века.

Славнее те, кто не бегут от бед,
Кто в страшный час свой край не покидают,
А вместе с ним воюют, и страдают,
И гибнут, не доживши до побед.

* * *

Б. 3.

Конец системы самооправданья —
Начальный пункт самоуничтоженья.
Подобно это разрушенью зданья
От изверженья и землетрясенья.

Есть оправданье в самообвиненье:
К самим себе являемся с повинной;
Поэтому достойны снисхожденья.
Вот вам сюжет комедии старинной.

* * *

Когда сумеем угадать,
Что объявился новый гений,
Когда прольется благодать
В пустые окна наших келий,

Он завоеует нас легко,
Он смыслы новые заявит,
И скоро новое лицо
Словесность наша миру явит.

Усвоим мы его язык,
В ученики пойдем смиренно.
От наших пут и от вериг
Освободимся постепенно.

Пришел бы он! Пришел бы он!
Чтоб его имя воссияло,
А мы чтоб стерлись в пыль времен,
Как будто нас и не бывало.

* * *

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикасаться к победам.

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом.

Мне выпало все. И при этом я выпал,
Как пьяный из фуры в походе великом.

Как валенок мерзлый валяюсь в кювете.
Добро на Руси ничего не имети.

* * *

Добивайтесь, пожалуйста, смысла,
Проясняйте, пожалуйста, мысли.
Понимаете? Все остальное
Не имеет большого значенья.

Что есть дерево? Лишь древесина?
Или, может быть, ветки и листья?
Понимаете ли, в чем причина
Разумения и бескорыстья?

* * *

А. Н.

Начать с себя. Не ждать, покуда
В слезах покается злодей.
Мы не парадная посуда,
Что выставляют для гостей.

Не надо выходить на паперть,
Рвать с воем ворота рубах.
А надо разом сдернуть скатерть,
Не пожалев о черепках.

Все это выкинуть на свалку —
Страх, недоверье и корысть,
Не ввязываться в перепалку
С тем, для кого копейка — жисть.

А обобрав репей приставший,
Очистить волю и судьбу,
Чтоб отвечал за нас не старший,
Не в пядях о семи во лбу.

Без фанфаронства самохвала,
Без злобы и впаденья в раж —
А надо начинать сначала:
Хоть с азбуки и с «Отче наш»!

* * *

М. Козакову

Что полуправда? — Ложь!

Но ты не путай

Часть правды с ложью.

Ибо эта часть

Нам всем в потемках не дает пропасть —

Она ночной фонарик незадутый.

Полухарактер — ложный поводырь.

Он до конца ведет дурной дорогой.

Характер скажет так с мученьем и тревогой:

«Я дальше не иду! Перед тобою ширь.

И сам по ней ступай. Нужна отвага,

Чтобы дойти до блага. Но смотри:

За правды часть и за частицу блага

Не осуди, а возблагодари!»

Ах, грань тонка! На том горим!

Часть... честь... «Не это» путается с «этим».

Порой фонарик правды не заметим,

За полуправду возблагодарим.

А наши покаянья стоят грош,

И осуждения — не выход.

Что ж делать?

Не взыскупя выгод,

Судить себя. В себе.

Не пропадешь.

СТАРЫЙ ЦИРК

1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Фонари погасли под шатром.
Разошлись зеваки. А потом

В клетках звери тощие грустят,
Вечный рупь канючит акробат.

В номерах циркачка с циркачом
Хлещут чай, болтая ни о чем.

Фокусник Петров (Али-Баба)
В пух продулся — значит, не судьба.

С кавалером, помня про канат,
Пьет канатоходка лимонад.

Думает в постели казначей,
Как бы облапошить циркачей.

А под мокрым тентом шапито
Слышен чей-то слабый шепот. То

Ангел цирка с детской головой
Бродит над ареной цирковой.

2. БИМ И БОМ

Бом увел жену у Бима.
Ненавидит Бома Бим.
Как она была любима!
Он недавно был любим.

На манеже град пощечин
Отпускает Биму Бом.
Их союз казался прочен,
А теперь столкнулись лбом.

На манеже град пощечин
Отпускает Бому Бим...
Почему-то мы хохочем
И над тем и над другим.

3. ЛЕВ В НЕВОЛЕ

Они не знают, что царя зверей
Дрессировать не удастся.
Я просто знаю, что они сильней
И что в них мало благородства.

Ее мне жалко. Так она слаба,
Так неумна, так лицемерна,
Что может только быть рабынею раба.
И пахнет от нее прескверно.

А я молчу. А надо, так рычу
И публику пугаю басом.
Но огорчать бедняжку не хочу.
Она меня к тому же кормит мясом.

Его я презираю. Пистолет
Он прячет от меня под мышкой.
Он трус и неврастеник, в тридцать лет
Страдающий одышкой.

Ему башку я мог бы размозжить
Своей тяжелой лапой.
Но не хочу. И оставляю жить
На радость этой, слабой.

А публика! Я знаю, что играть
Льва перед ней почти что подло.
Но как еще жалеть и презирать
На нас глазеющее кодро?..

* * *

Надо так, разбираясь толково,
Узнавать о своих сыновьях,
Словно без толмача разбитного
Путешествуешь в чуждых краях.

Да и что нам толмач растолмачит
В их превратной и легкой судьбе!
Только что-то в ней переиначит,
Перешьет и примерит к себе.

Да и как нам, бывлым забиякам,
Понимать своих хмурых котят?
Разве что по таинственным знакам?..
Впрочем, пусть их живут, как хотят!

* * *

Разговаривает ветер
С майской рощей.
Разговаривает роща
С майским солнцем.
Разговаривает солнце
С майской тучей.
Разговаривает туча
С майским небом.
Разговаривает небо
С майской речкой.

Разговаривают небо, солнце, речка,
Разговаривают небо, ветры, рощи,
Исцеляюсь, зачарован этой речью.
Но догадываюсь: жизнь не станет проще.

ПОЛЫНЬ-ЗВЕЗДА

Вновь Родина открылась мне одна,
Когда не хвалят или негодуют...
Полынь-звезда. И бездна нам видна.
И час преображенья неминуем.

Полынь-звезда! И мы пойдем ко дну,
И вот уже нельзя бряцать оружием.
А мы забыли долг или вину
И бескорыстно Родине не служим!

Полынь-звезда! Затмится скоро свет.
И мир погибнет весь во льду безмерном.
С Отчизною противоречий нет,
Как не было когда-то, в сорок первом.

Полынь-звезда!.. Себя не пожалей.
Что стоит человеческая шкура!
Уже пора среди своих полей
Не сеять ложь!
Угомонись, цензура!

Звезда-полынь!.. Мы перед вечным льдом!..
Заткнись, цензура! Не касайся сути!
Вы, Избранные, помните о том,
Неизбранные — о себе забудьте.

Тщеславные — ничтожен ваш успех,
Корыстолюбцы — жалки все корысти.
Звезда-полынь! И лед ползет на всех.
Себя душою к Родине приблизьте!

Полынь-звезда взошла! Ее восход
Сулит оледененье наших топей...
Очнись, народ! И оглянись, народ!
Добычи нет для наших стрел и копий...

* * *

Нам надо бы закрыться,
Замкнуться ото всех.
Не видеть чужие лица,
А видеть белый снег.

Закрыться лет на триста
И жить в своей норе.
И чтобы декабристы
Не строились в каре.

Чтоб было тихо-тихо,
Без выплесков и драм.
Всесветная шумиха
Чтоб не мешала нам.

Чтоб силы накопили,
Чтоб волю сберегли.
Чтоб ложью нас не сбили
И правдой не сожгли.

Лежать нам в белой люльке
Между добром и злом...
И только снег в проулке —
Серебряным крылом.

И никого при этом
Чтоб не нарушить сон...
А где-то за проспектом
Чтоб спал микрорайон.

Чтоб все микрорайоны
При станциях метро
Посапывали сонно,
Когда вокруг мертво.

Чтоб все микрорайоны
Сдвигались. И тогда
Нас будут не миллионы,
А станут города.

И отомкнет столица
Подземные колеи.
Увидит чужие лица
И разглядит свои.

И выйдут все из комнат,
Словно услышав весть.
Тогда поймут и вспомнят,
Что и другие есть.

И посреди разброда,
Который в этом миру,
Воспрянет душа народа,
Проснувшегося поутру.

ОДА

России нужны слова о России,
Поскольку пути ее непростые.

России нужны слова о правде,
Поскольку живет она правды ради.

России нужны слова о мире,
Поскольку недругов мы сломили.

России нужны слова о хлебе,
Поскольку живет она не на небе.

Живет не на небе? А может быть,— в небе,
Поскольку так широки ее бреги.

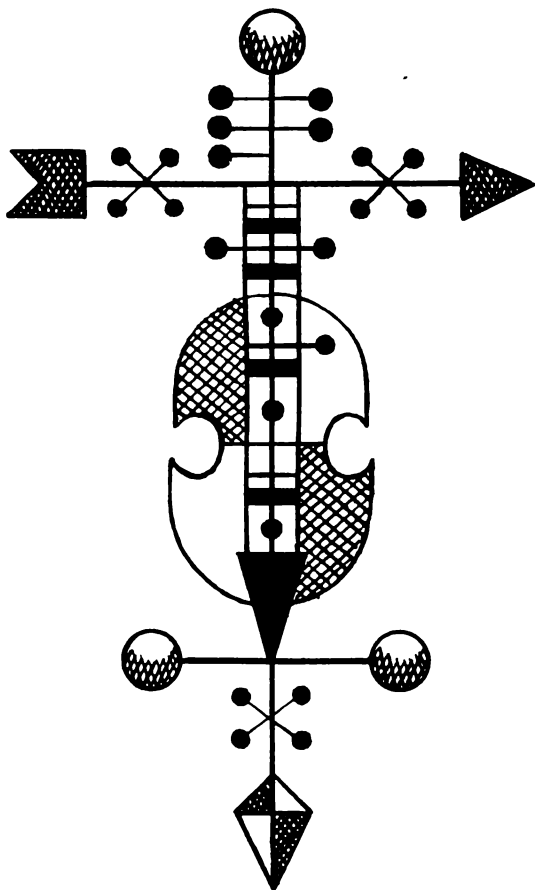
Но ей не нужны слова о мести,
Поскольку хочет славы и чести.

Но ей не нужны слова о злобе,
Поскольку низвергнуты злобные боги.

А ей нужны слова о дороге,
Где новые вехи и новые сроки.

России нужны слова о великом,
Поскольку она велика и обильна,
Чтоб пред ее таинственным ликом
Они прозвучали свободно и сильно.

Баллагы

Надоели медитации у себя и у других. Наша поэзия расплывается в них, как сад в тумане. В медитациях часто камуфлируется отсутствие мыслей, чувств и темперамента. Хочется потребовать, чтобы поэты выложили карты на стол. Сюжет — это карты на стол. Его нельзя камуфлировать. Он либо интересен, либо нет. Отсюда — баллады.

Я перебрал многие стили балладного стиха от энергичной английской, сентиментальной немецкой, старинных баллад до «скорости голой» баллад советской поэзии 20-х годов. Тихонов, Асеев. Сельвинский.

Но это отнюдь не формальный поиск. Сюжет не только способ организации материала, но и нравственный стержень стиха. Сюжет указывает, как надо или не надо действовать в данных обстоятельствах. Он дает побуждение к действию.

Он же является способом интенсивного контакта с читателем, формой уважения к нему. Мне кажется, что в наши времена, когда этот контакт ослабевает, хороша баллада.

Сюжеты мной придуманы, услышаны или взяты из истории.

КОРОЛЕВСКАЯ ШУТКА

— Вставайте, ваше величество!

— К черту! Который час?

— Вставайте, ваше величество.

Дело касается вас.

— Сам пусть дела решает

Старый лентяй сэра Джон!

— Ваш канцлер, ваше величество,

Этим кинжалом сражен!

— Как это? За убийство

Будете казнены...

— Но вы отреклись от престола

В пользу вашей жены!

Ваш канцлер не понял этого

И был сегодня смещен,

Смещен ударом кинжала.

И я за это прощен.

У нас уже новый канцлер:

Юный герцог сэра Грей...

— Этот юбочник — канцлер?

Эй, стража, ко мне скорей!

Эй, молодцы, за мною!

Бейте бунтовщиков!

— В ваших подвалах, сударь,

Для стражи хватило оков.

А те, на кого не хватило,
Валяются там, во рву!..
— Но я ваш король, сударь,
Покуда еще живу!

— Архиепископ и гвардия,
Народу подав пример,
В полночь уже присягнули
Вашей супруге, сэс!

Исполнить три ваших желанья —
Такой поступил приказ.
А с третьими петухами
Отправить к господу вас!

— Как милостива королева!
Ее поблагодари.
Ведь я бы ее ухлопал,
Не дожидаясь зари.

Вели, чтоб стучались в двери
Таверны «Кум королю».
Будите красотку Мэри,
Которую я люблю.

Скажите, что некий пропойца,
Который был королем,
Просил, чтоб красотка Мэри
Прислуживала за столом.

Катите бочонок токайского,
Хочу умереть хмельной.
А вас за стол приглашаю,
Любезный убийца мой!

Второе мое желанье:
Острой наточите кинжал.
Тот недостоин короны,
Кто ее не удержал.

А третье мое желанье,
Чтобы к началу дня
Вы мадам королеву
Зарезали, а не меня!

Тут принесли токайское.
И долго, себя веселя,
Они хохотали над шуткой
Бывшего короля...

Над шуткою ко-
Над шуткою ро-
Ля!
А-а!

ПЕСНЯ ЯСЕНЕВОГО ЛИСТКА

Жили на свете Лотта
И Гензель — лесной стрелок...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеновый листок?

Лотта была женою
Вальдмана-лесника.
И часто певала песню
Ясенового листка.

Лотта детей рожала,
Пекла, варила обед.
Тихо в лесной сторожке
Жили двенадцать лет.

Тринадцатый год, недобрый,
Взлетел к сверчку на шесток...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеновый листок?

В тот год явился в сторожку
Гензель, лесной стрелок.
И пил он с Вальдманом пиво.
И Вальдман поспать прилег.

А Гензель шутил с Лоттой,
Рукою к себе привлек...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеновый листок?

И Лотта его полюбила,
Своей любви не стыдясь,
Поскольку любила в жизни
Последний и первый раз.

И Вальдману повинилась.
И тот сказал: «Не виню».
— Спасибо,— сказала Лотта.—
Тебе я не изменю.

И вышел он в лес дремучий,
В предутреннюю полумглу.
И взял он свой лук певучий,
И верную взял стрелу.

И он подошел к поляне,
Где спал беспечный стрелок.
И лук натянул певучий,
Стрелу же послать не мог.

— Зачем причинять ей горе!
И чем я ему воздам? —
Пошел он в густой орешник,
Сказал зеленым кустам:

— В зеленые руки возьмите
Певучий мой лук и стрелу
И сердце мое пробейте,
Чтоб я не доверился злу.

И выпустил верный орешник
Стрелу изостренную ту.
Но ворон, с ясеня прынув,
Ее подхватил на лету.

И внятно прокаркал ворон:
— Зазря себя не губи.
Ведь Лотта твоя умирает.
И скоро умрет от любви.

Пришел он домой. И Лотта
Сказала: «Прости, мой друг».
Он молча сидел у постели.
И дети стояли вокруг.

Потом в ее изголовье
Медовую свечку зажег...
Куда ты летишь по ветру,
Ясневый листок?

А утром закрыв сторожку,
С детьми пошел на восток...
Куда ты летишь по ветру,
Ясневый листок?

Так кончилась повесть про Лотту
И Вальдмана-лесника.
Лучше не пойте песню
Ясеневого листка.

АНДАЛУЗСКАЯ БАЛЛАДА

Апельсиновая ветка
Апельсины уронила.
Черноокая Росита
Габриэля схоронила.
Как он мог быка прирезать,
Как умел водить медведя,
Как ходил в ночное дело!
Но его сгубила ведьма.

О мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется.

По усопшему поминки
Были в ночь на новолунье.
Позвала вдова весь табор.
И сама пришла колдунья.
Невеселый это праздник.
Там без песен пили-ели.
Поминали, вспоминали
О красавце Габриэле.

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!

А потом Росита встала
В черной шали-покрывале
И сказала всем цыганам,
Так промолвила в печали —
Не по-божески сказала,

Не по дедовским обрядам:
— Если нету Габриэля,
Пусть весь табор ляжет рядом!

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!

Тут-то ведьма и вскочила:
— Вы послушайте, цыгане!
Чтобы весь ваш род извелся —
Вот Роситино желанье.
А чтоб нынче не свершилось
То злодейское заклятье,
Нечестивицу Роситу
Пусть клинком заколют братья!

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!

Но заколебались братья.
А сестра вдовы кинжалом
Десять раз пробила сердце
Под шелковым покрывалом.
Словно все окаменели.
Но раздался смех бесстыжий.
То красавица колдунья
Вознеслась вороной рыжей...

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!

Если женщина полюбит,
А мужчина не полюбит,
То она в порыве злобы
Самого его погубит;

Если женщина полюбит,
А любимую не стала,
Пожелает в диком горе,
Чтобы вся земля пропала.

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!..

ПРИТЧА О СЫНОВЬЯХ УЦЫ

Ехал король на охоту,
Встретил цыганку Уцу.
Сразу в нее влюбился.
Вскоре на ней женился.

И принесла ему Уца
Четырех цыганят кучерявых.
Утром, едва проснутся,
Время проводят в забавах:
Лазают по заборам,
Рвут дорогие платья.
Словно для знатных принцев
Нет другого занятия.

Помер король. Оставил
Детям четыре царства.
Стали они королями.
Тут и пошли меняться
Замками и городами.
Город — на кобылицу
Мавританской породы;
Замок, леса и воды —
На заморскую птицу.

Часто они съезжались.
Тогда вынимали скрипки.

Долго играли на скрипках,
Покуда не уставали.
А когда уставали,
Тут же и засыпали.
И даже во сне певали.
А в безлунные ночи
Ходили в соседние страны.
И табуны угоняли.

Но возмутились бароны:
«Что это за государи?
Зачем играют на скрипках?
Зачем поют при гитаре?»

И собрались бароны,
Пришли в королевский замок,
Где не было обороны,
И королей убили.

Потом заперлись бароны
С прелатами в тронном зале.
И короля выбирали.
Долго его выбирали,
Между собой препирались,
Но выбрали государя.

Тот не играл на скрипках,
Только правил и правил.
Он половину баронов
На эшафот отправил,
А остальные бароны
Радовались и похвалялись
Тем, что в живых остались.

А внуков Уцы прогнали
Обратно в цыганский табор.
И стали ее внуки
Цыганскими королями.
Они на скрипках играют.
Они поют при гитарах.
На старых гадальных картах
Есть их изображение.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА

Чешская баллада

В строгом замке, что квадратом
Середь города стоит,
Умирает император,
Добрый маленький старик.

Император он природный,
Императором рожден,
И за это всенародной
Он любовью награжден.

Три различных совещанья
Происходят в этот миг.
Три готовят завещанья
Три из трех дворцовых клик.

Три законных претендента,
Тоже, в общем, старики,
Ждут удобного момента
Взять друг друга за грудки.

Император умирает.
Он отходит. Но пока
Награждает и карает
Августейшая рука.

И еще спешат курьеры,
Мчат приказы из дворца.
Еще строятся карьеры
И надеются сердца.

И законы создаются,
Чтобы слушалась страна.
Еще трубы раздаются,
Раздаются ордена.

Но земному государю
До земного дела нет.
Он узрел иные дали,
Он увидел горний свет.

И господь к нему приходит.
И к земному королю
Стаю ангелов приводит:
— Хочешь, жизнь тебе продлю?

Будешь на своем престоле
Среди ангелов стоять.
По моей небесной воле
Будешь ангелам под стать.

Не ответил сразу старец —
Думал или же дремал.
Долго веки поднимались,
Долго губы разжимал.

Улыбнулся тихо богу
И ответил: «Не хочу!»
И отправился в дорогу
Вверх по лунному лучу.

КАБАРЕТНАЯ БАЛЛАДА

Жил-был король Гильом Второй,
И мирно правил он.
И всем, кто кланялся ему,
Он отдавал поклон.
Но в королевстве — трам-тарам! —
Суровый был закон:

Чтоб каждый не в свое не лез.
Иначе дураку,
Который не в свое полез,
Оттяпают башку.

Пахали пахари его,
Погонщик гнал осла,
И дева милая одна
Ягненочка пасла.
И музыкантша там была,
Прелестная Мими,
Она играла — трам-тарам! —
На флейте до-ре-ми.

Зачем же им в чужое лезть,
В дела не по плечу
И ради этого башку
Подставить палачу?

Король уехал отдыхать.
Остался у руля
Его сиятельство маркиз
Картон де Труляля.
И он нарушил — трам-тарам! —
Законы короля.

И каждый не в свое полез
Порядку вопреки,
Поскольку страх у всех исчез
Остаться без башки.

Пошли портные воевать,
Жандармы — петь в церквах,
А мукомолы — суд вершить,
Воссев на жерновах.
Вручили звание посла
Погонщику осла.
Мими маркизу Труляля
Ребенка принесла.
Одна лишь дева — трам-тарам! —
Ягнечка пасла.

Так каждый не в свое полез,
В дела не по плечу.
Стать воспитателем детей
Осталось палачу.

Пока отсутствовал король,
Сбесилась вся печать.
И цензор начал сочинять,
Редактор — сокращать.
А сочинитель в цирк пошел
И так смешил народ,
Что мог наверняка попасть
В опасный оборот.
Но в королевстве — трам-тарам! —
Все шло наоборот:

Того, кто не в свое полез,
Все чтили, как божка.
И возносилась до небес
Дурацкая башка.

Пришел из отпуска король.
И увидал король,
Что каждый подданный его
Не ту играет роль.

Башмачник пел, судья латал,
Хорист ковал металл,
Писатель в цирке гоготал,
Палач детей питал.
Но вмешиваться — трам-тарам! —
Король в сие не стал.
 Поскольку не в свое полезть
 Не пожелал король.
 Он сел с девицей на осла
 И поскакал в Тироль.
Адье, мадам, адье, мосье!
В Тироль! В Тироль!

ВОЗНЕСЕНИЕ АУГУСТА ЛИМА

Местная быль

I

Люблю легенды. В них разбег
И краткость. (Ибо я не стайер.)
Пишу, покуда снег не стаял.
Не очень скоро стает снег.
Пишу сугробам. Но люблю,
Чтобы растаяли сугробы,
Чтоб потекли, осели, чтобы
Служили пополненью рек.

II

Вот так же думал Аугуст Лим.
(Но не ручаюсь, что об этом,
Поскольку не был он поэтом,
А просто — нелюбитель зим.)
Он жил в приморском городке,
В домишке чистом и прелестном.
И слыл философом известным.
Сейчас я познакомлю с ним.

III

Мужчина. Лет за пятьдесят.
Он за столом работал редко:
Три слова, изредка — заметка.
А там его тянуло в сад.

Он наблюдал, как рос редис
Или подобное растенье.
С восторгом он встречал цветенье
И с неохотой — листопад.

IV

Амалья-Гамадрилла Фюнф
Жила у Лима экономкой.
Была девицею негромкой,
Зато достоинств — целый фунт.
Не буду я касаться здесь
О них неблагоприятных сплетен.
Философ был великолепен,
Но перед ней стоял во фрунт.

V

Я даже кратко излагать
Его учения не стану,
Поскольку много в нем туману:
Идея, что Природа — мать,
Но неизвестно, кто отец,
Ну и так далее. Не страшно
Прослыть профанами. Нам важно
Лишь то, что Лим любил гулять.

VI

Да! я ведь начал про снега,
Но, отвлекаясь, их оставил.
А снег тем временем растаял
И отделились берега
От моря. По большой воде
Бежали легкие буруны.
По вечерам сияли дюны,
Как лысина без парика.

VII

Лим вышел прогуляться. Он
В плаще легко шагал по дюнам.
Но вдруг весенний ветер дунул
И охватил со всех сторон.
И загремел весенний шторм.
Забушевала Мать-Природа,
Как часто в это время года.
Лим в этот грохот был влюблен.

VIII

От волн неслась морская пыль,
Волненье затопило пляжи,
Распространяясь ввысь и вширь.
Деревья закричали в раже.
Бесстрашный Лим, закутан в плащ,
Стоял среди морского гула.
Но вдруг порывом плащ раздуло —
И он взлетел, как нетопырь.

IX

Превыше всех высоких крон
Его взнесло одним ударом.
По воле ветра став Икаром,
Он мчал, врезаясь в небосклон.
Стал воздух бледен, как сукно.
В груди дыхание спирало.
Вокруг гремело и орало:
На город Лима нес циклон.

Х

Стемнело. Город стал глухим.
Шторм, разрастаясь, бил по крышам.
Как бы влеком порывом высшим,
Летел философ Аугуст Лим.
В его душе восторг и страх,
Вблизи шарахаются тучи.
Шторм, разъяренный и могучий,
Свеж, молод и неумолим.

XI

От притяжения земли
Совсем освободилось тело.
Оно, блаженствуя, летело,
Как парусные корабли.
Внизу десяток огоньков
Мерцал в пространстве нелюдимом,
Порою тучами как дымом
Прикрытый.
Ветры вознесли

XII

Философа. И он решил,
Что это знак его величья.
Мелькнула мимо стая птичья,
Почти лишившаяся сил.
Его же призывал Зевес,
Чтоб воспарил ширококрыло.
Что там Амалья-Гамадрилла
Тому, кто от небес вкусил!

XIII

И было страшно глянуть вниз,
Где все расплылось и погасло.
Стихии, плотные как масло,
Его держали. И лились,
Куда неведомо. Летун
Был акробатом в диком цирке...
Но вдруг задел за флюгер кирхи —
Задел за флюгер и повис.

XIV

И сразу прохватила дрожь:
Ведь можно на землю свалиться!
Вот и летай теперь, как птица...
Клянусь, что этот факт не ложь.
Ну что ж, коль этот факт не ложь?
Лишь для пустого очевидца
Любая правда пригодится,
Хотя в ней смысла ни на грош.

XV

Я правдою по горло сыт.
А перед смыслом ум пасует.
Пусть тот, кого интересует,
О смысле сам сообразит.
И разберется что к чему.
Мне это не необходимо.
Итак, мы отвлеклись от Лима.
Что с ним? Пока еще висит.

XVI

Висел он, как пиратский флаг.
И слабо вопиял: «Амалья,
Спаси меня!» Ведь знал, каналья,
Что дело не оставят так.
И впрямь, его пошли искать.
И обнаружили на шпиле,
Воздели руки, возопили:
«Вот до чего довел кабак!»

XVII

Наутро люди собрались.
Смеялись, гикали, орали,
С недоумением взирали,
Как Лим над городом повис.
Пожарный прискакал обоз.
И наконец беднягу сняли...
А все же, как насчет морали?
Возможно так: не возносись!

XVIII

Да что мораль!
Пришла весна,
Повеял с моря ветер вешний,
В его дыханье каждый грешный
Пьянеет словно от вина,
И можно даже вознестись,
А хочешь — повисеть на шпиле...
Ужасно надоели штили
И благостная тишина!

СКОМОРОХИ

Идут скоморохи по тусклым дорогам —
По главному шляху, по малой дороге,
Отвергнуты церковью, признаны богом,
По русским дорогам идут скоморохи.

Что могут они? Потешать, скоморохи.
Что могут они? Рассмешить, скоморохи.
А могут ли что-то решить скоморохи?
Какие вопросы? В какие эпохи?

Навстречу — старуха с козой на аркане;
Навстречу — артель мужиков с топорами,
Навстречу боярин в брусничном кафтане,
А там уже город горит куполами.

Войдут они в город. Осмотрятся — где бы
Устроить им игрища утречком рано,
Для красных петрушек поставить вертепы —
Поближе к базару, подальше от храма.

Как станут скакать и играть в балагане,—
Посмотрит старуха с козой на аркане,
Посмотрят артельщики и горожане
И даже боярин в брусничном кафтане.

Забудет старуха невзгоды и беды,
Забудут холопы кабальные нети,
Забудет боярин войну и победы,
Когда затанцуют козлы и медведи.

Пусть к злобе и мести зывают пророки,
Пускай кулаки воздвигают над веком,
Народу надежду внушат скоморохи
И смехом его напитают, как млеком.

Воспрянут старуха с козой на аркане,
Торговые люди, стрельцы, лесорубы,
И даже боярин в брусничном кафтане.
И ангелы грянут в небесные трубы.

УБИЕНИЕ УГЛИЦКОЕ

Был Феодор добрый царь,
Да дела не ладились.
Говорили: преставится,
Все тогда поправится.
Говорили: отдохнем
От царя от Грозного.
А при Федоре, при нем
Много было розного.
Если бы не царский шурин,
Если б не Борис,
Все б передрались.

А Борис, царский шурин,
Был умом светел.
Он царя мишурил,
В государи метил.

А Димитрия убили,
Сына грозного царя.
Поздно, поздно
Прибежали лекаря.
Мать-царицу откачивали,
В покой внеся.
Ах, нельзя убивать маленьких,
Убивать нельзя!

Лежал он бледный, беленький
Среди желтых свечей.
Мог бы стать помазанником,
А теперь он ничей.

Государем мог бы стать строгим,
Страшным государем быть,
Головы приказал бы рубить,
Свирепей батюшки быть,
Недругов разя!
А все равно: маленьких
Убивать нельзя!

Ой, горевал Феодор!
Ай, утешал Борис!
А после сего события
Только начались.

Нарядили следствие.
Шуйские князья
Приговорили: маленьких
Убивать нельзя.
А его, царевича,
Никто не убивал...
Играл, играл да напоролся
На кинжал.

Ой, горевал Феодор!
Ах, утешал Борис!
А тут-то оно, события
Другие начались.

Помер, помер царь Феодор.
Упросили стать Бориса,
Стал татарин, царский шурин
Государем всея Руси.

Но тут заговорили:
Димитрий бежал,
Он не напоролся
На кинжал.

Говорили: Гришка —
Беглый монах.
А про Бориса — царишко
Не в своих, дескать, чинах.
Зачем отменил Юрьев день?
Теперь вот затягивает ремень.
Говорили: маленького
Убивать нельзя.
У него особая стезя.
Маленького не убили,
Маленького схоронили,
Схоронили в девичьей,
Не так просто убить царевичей!

И пришел царевич Димитрий
С ляхами.
Архиереи хватились за митры,
Ахали.
И заколебалась Русь вся.

Убивать маленьких
Нельзя.

Ведь дети же слабеньки,
Что хочешь с ними твори.
А достойны сабельки
Взрослые цари.

Ой и помер Борис
За злодейство свое.
Ой и Шуйский ушел
За лукавство свое!
И во всей Руси
Началась резня.
Потому что маленьких
Убивать нельзя.

СМОТРИНЫ

...Его привел под локоть некий чин
На середину небольшого зала,
Где заседали несколько мужчин
И дама под вуалью восседала.

Он бледен был, обрюзг, нетверд в ногах.
Одет нечисто, несколько всклокочен.
Глаза косили. Слюни на губах.
И женщина произнесла: «Не очень!»

«Кто ты?» — его спросили. «Здесьний принц».
«Как звать?» Молчанье. «Не знаток меморий»,—
Блеснула женщина из-за ресниц.
«Ты знаешь, что тебя зовут Григорий!»

«Я здесьний принц! — И дрогнула губа.—
И вы меня ни в чем не убедите!»
Он чувствовал: решается судьба.
Но женщина сказала: «Уведите!»

Ивана увели. «Такая чушь
Кому-нибудь из вас могла присниться,
Что подобает мне подобный муж?»
Все промолчали. И императрица.

«Но, впрочем, это не моя вина,
Что долг ему Россией не оплачен.
Убавить пищи. И лишить вина.
Он слишком толст и слишком неопрятен.

.
Его везли от царства, от столиц,
От неожиданных фантазмагорий.
А он орал: «Я сей державы принц!»
Тут навалились: «Замолчи, Григорий!»

...Тогда в России были трех корон
Носители (при воцаренье новом):
Екатерина, Третий Петр и он.
Пожалуй, всех законней коронован.

Железными запястьями звеня,
Он все орал, пока его держали:
«Я бедный принц! Забыл, как звать меня!
Но я превыше принцев в сей державе!..»

.
А Катерина, бывшая Софи,
Разделяваясь с призраком бывшего,
Перед трюмо сгримасничала: «Фи!» —
И приказала пригласить Орлова.

— К чему нам этот? — говорил Орлов.
Россия сумасбродами богата.
Не зря на государственных орлов
В ней зарятся голодные орлята.

Один из этих треплет в кабаках —
Мирович, в нем сидит Мазепин корень,—
Что, дескать, был бы взвод в его руках...
Подумала: «И ты был так проворен».

— Но это мысль! Не трогать дурака.
Притворно верить всем его посулам.
И дать ему команду от полка.
И в Шлиссельбург назначить с караулом.

А если сей болван пойдет на вал,
То это совершенно безопасно.
Чуть суматоха — подавать сигнал
И действовать инструкции согласно...

.
Он был убит... Но там, на рубеже,
Где сказочные море-окияны,
Неубиенные Петры, Иваны
Грозят короне, пусть они и «лже».

БАЛЛАДА О КОНЦЕ СВЕТА

(Из блокнота 1941 г.)

Последний час сражалась рота.
И каждый к гибели привык.
Хорошая была работа,
Да мало виделось живых.

Стреляли изредка, с прищуром,
Оставшиеся храбрецы.
Засыпанные амбразуры
Обороняли мертвецы.

И приближалась грозно, внятно
Та неизбежная черта,
Где только под ноги гранату
С последним лозунгом: «За Ста...»

Но тут, врываясь в цепь событий,
Сквозь посвист пуль и минный вой,
Закаркал громкоговоритель
За вражеской передовой.

«Внимание! Бросайте ваффен!
Напрасно будет кровь пролит!
В пять сорок на участке нашем
В планету врежется болид.

Мы скоро будем тучей пыли —
И мы и вы, кто бьется тут.
И нас не будет, всех, кто были.
Штык в землю, руссен! Всем капут!

Не призываем вас сдаваться.
И сами не идем к вам в плен.
Не призываем вас брататься,
Нас скоро побратает тлен.

Вниманье! По последней сводке
До катастрофы ровно час.
И если вы хотите водки,
Довольно шнапса есть у нас!»

И замолкает перестрелка.
И слышно, как течет вода.
И только у комроты стрелка
Неумолима, как всегда.

Но тут, придя в соображенье,
Героев собирает в круг,
О межпланетном положенье
Повестку ставит политрук.

Что, мол, ввиду поломки раций
Ориентация туга.
Но я зову не поддаваться
На провокации врага...

И только лица побелели.
Цветной сигнал взлетел как плеть...
Когда себя не пожалели,
Планету нечего жалеть!

БЛУДНЫЙ СЫН

1

По пустому темному проселку
Шел солдат из города домой.
Думал он: «Конечно, мало толку
Жить у нас, особенно зимой...»

2

Время было накануне святок,
Но еще не вылегли снега.
«А отцу-то за восьмой десяток,
Захворал — и вся тут недолгá».

3

Вышел к полю Псовые Охоты,
А оттуда, если глянешь в дол,
Прежде, словно праздничные флоты,
Плыли огоньки окрестных сел.

4

А теперь — хоть глаз коли! Весомо
С четырех сторон стояла мгла.
«С довойны,— подумал,— не был дома,
Может, немец все спалил дотла».

5

Поддувало снизу. Шла поземка.
 Далеко кричал локомотив.
 Что-то монотонно и негромко
 В воздухе гудело, как мотив.

6

Дом был крайний к лесу. Все молчало.
 Пес не выл. Петух не голосил.
 Во дворе корова не дышала.
 Конь не бил копытом о настил.

7

А отец не спал. Ломило руку.
 Тараканы терлись на печи.
 Он прислушался к ночному стуку
 И зажег огарочек свечи.

8

«И кого так поздно носят черти!
 Без того нейдет проклятый сон!»
 — Отворяй! Закоченел до смерти! —
 И старик подумал: «Может, он».

9

— Ветер режет хуже божьей кары,
 Не найти дорогу без луны.
 — Сам ты чей? — «Не он», — подумал старый.
 — Сам с войны. Шагаю в Тиуны.

«Пусть-ка сам меня признает»,— думал,
 Снедь свою тем временем извлек.
 Печь остыла. От окошка дуло.
 Колебался светлый стебелек.

— Выпьем, батя, на помин усопших,
 Сам своих ушедших помяни.
 А еще за тех, кто тропы топчет
 Далеко от дома и родни.

Парень, видно, был совсем не беден.
 Не пустой мешок с войны волок.
 Водку в кружки наплескал: «Поедем!»
 — С богом. Тиуны-то немец сжег.

Думал сын: «Не стоит открываться,
 Только зря расстроишь старика.
 Здесь не жить мне, здесь не оставаться.
 Лучше напишу издадека».

Он молчал и пил, смятенья полон.
 И зубами от тоски скрипел.
 А держать язык за частоколом
 И в хмелю умел. А надо — пел.

15

Пел натужно, диковато, хрипло.
Песню начинал по десять раз.
Долго пел. Но голова поникла.
Был еще далек рассветный час.

16

То, что старый не увидел глазом,
Мог бы он расслышать в песне той.
Но, наверно, помутился разум
От войны, от жизни прожитой.

17

Думал старый: «Он, видать, не беден.
А добро задаром нажито.
Ночью не заглядывал к соседям.
Пропадет — не хватится никто».

18

Дуло-поддувало в чистом поле.
Дуло, снег сметало на пути.
Ветры на бугре стерню пололи.
Время было около пяти.

19

У печи нащупал топорище.
На мгновенье прохватила дрожь.
Отодвинул от хмельного пищу.
«Может — он? Пожалуй, не похож».

20

Задохнулся. Ноги стали шатки.
«Крепко спит. А если встанет вдруг?
В кошельке небось одни тридцатки,
Может, десять, может, двадцать штук...»

21

Дуло, дуло; дуло, дуло, дуло,
Ночь не выдувало со двора.
Посреди избы стоял сутуло
Он, не выпуская топора.

22

Свечка вдруг вздохнула и истлела.
Очи словно дегтем залило.

.
.

23

.
.

Сын проснулся. За окном белело.
— Шею,— говорит,— совсем свело!

24

Был он трезв. Старик от страху замер.
Думал, вскочит, крикнет: «Загублю!»
А солдат: — Давай топор, хозяин,
Я тебе дровишек нарублю.

25

— Благодарствуй,— старец чуть ответил.
— Слава богу, ветер унялся.
Мне пора. Проселок вон как светел,
А отсюда ходу два часа.

26

Старому при свете стало жутко.
Холод разлился в его крови.
Выдохнул: — Как звать тебя? — Зовутка.
Как захочешь, батя, так зови...

27

...По пустому зимнему проселку
Шел солдат от дома на восток.
Шел солдат и плакал втихомолку.
За плечом висел пустой мешок.

28

Он остановился там, где рядом
У раскрестка стыли две сосны —
Две вершинки срезаны снарядом,
Только вбок росли они с войны.

29

С той межи, где мерзли две калеки,
Дом еще виднелся вдалеке.
И пошел солдат к одноколейке —
Восемь верст не страшно налегке.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕАТРИЧЕ

Откуда Беатриче?..	7
Беатриче	8
Автобусная остановка «Лаури»	9
«Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!..»	10
«Желанье и совесть — две чаши...»	11
День	12
Дон Кихот	14
«Ты подарила мне вину...»	15
Страсть	16
«Вот в эту пору листопада...»	17
«Соври, что любишь! Если ложь...»	18
45-я Гайдна	19
«Не для меня вдевают серьги в ушки...»	20
Бабочка	21
«Ах, наверное, Анна Андреевна...»	22
Идиллия на потом	23
Реплика Данте	24
Под утро	25
«Действительно ли счастье — краткий миг...»	27
«Я вас измучил не разлукой — возвращеньем...»	28
Она	29
«Устал. Но все равно свербишь...»	30
«Веселой радости общенья...»	31
«Когда бы спел я, наконец...»	32
«Как я завидую тому...»	33
Фантазия	34

«Владеть всем тем, что нам дано...»	35
«В меня ты бросишь грешные слова...»	36
«Ты скажи: чем тебя я могу одарить?..»	37
«Ты не добра...»	38
«Простите, милые, ведь я вас скоро брошу...»	39
«Напиши мне, богомаз...»	40
На рассвете	41
«Жалость нежная пронзительней любви...»	42
«Я написал стихи о нелюбви...»	43
Финал	44
Последний проход Беатриче	45

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Иногда мне кажется...	49
«Трудней всего выздоровление памяти...»	50
«Поверить новым временам...»	51
Валя-Валентина	52
Пушкин по радио	54
«Грачи прилетели»	56
Маша	58
Малолеток	59
Романс	63
Вечером	65
Цыгане	66
«Играй, Игнат, греми, цимбал!..»	68
«Водил цыган медведя...»	69
В ночном	70
«Путь мой юный, свет мой ранний...»	71
«Знаю: дерево это в июне...»	72
Ночная прогулка	73
«Слышно все. В соседней улице...»	74
«А иногда в туманном освещенье...»	75
«Овсяночки, малиновки, щеглы...»	76
Колорит	77
Осень	78

«Мороз! Накликал сам! Ведь слово — колдовство!..»	79
Зимний комар	80
После суровой зимы	81
Велес	82
«Птичка маленькая пела...»	83
Старая мама	84
«Мать ушла. И тонкий полог...»	85
«Рученьки мои устали...»	86
Два голоса	87
«Жить так: без жалоб и обид...»	89
«Чудо — познаваемость вселенной...»	90
У печки	91
«Несовпадения в пространстве...»	92
«День выплывает из-за острова...»	93
«В крутокрышем пярнуском доме...»	96
«Был год неустройства и слома...»	97
«Есть спор двух душ слиянных — о разъятье...»	98
«А помнишь, ты была тогда...»	99
«Меня ты не отпустишь. Осторожно...»	100
Три наброска	
1. Конец XVIII	101
2. Конец XIX	102
3. Маяковский отмаячил	103
Exsequi...	104
Хлебников	106
Поэтика	107
Лирика	108
«Не верь увереньям, наивный...»	109
Лаборатория поэта	110
Могила поэта	111
Партизаны	112
«Конец системы самооправдания...»	113
«Когда сумеем угадать...»	114
«Мне выпало счастье быть русским поэтом...»	115
«Добивайтесь, пожалуйста, смысла...»	116
«Начать с себя. Не ждать, покуда...»	117

«Что полуправда? — Ложь!..»	118
Старый цирк	
1. После представления	119
2. Бим и Бом	120
3. Лев в неволе	121
«Надо так, разбираясь толково...»	122
«Разговаривает ветер...»	123
Полынь-звезда	124
«Нам надо бы закрыться...»	126
Ода	128

БАЛЛАДЫ

Надоели медитации...	131
Королевская шутка	132
Песня ясеневого листка	135
Андалузская баллада	138
Притча о сыновьях Уцы	141
Смерть императора Максимилиана (Чешская баллада)	144
Кабаретная баллада	146
Вознесение Аугуста Лима (Местная быль)	149
Скоморохи	155
Убиение углицкое	157
Смотрины	160
Баллада о конце света (Из блокнота 1941 г.)	163
Блудный сын	165

Давид Самойлович Самойлов

ГОРСТЬ

Редактор В. С. ФОГЕЛЬСОН
Художественный редактор Д. С. МУХИН
Технический редактор Т. С. КАЗОВСКАЯ
Корректор Т. М. ПАВЛЮЧЕНКО

ИБ № 7180

Сдано в набор 01.02.89. Подписано к печати 17.04.89.
А 05464. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Журналь-
ная рубленая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,7.
Уч.-изд. л. 4,48. Тираж 45 000 экз. Заказ № 52. Цена 50 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Самойлов Д.

С 17 Горсть: Стихи.— М.: Советский писатель,
1989.— 176 с.

ISBN 5—265—00736—9

«Горсть» — книга новых стихов Д. Самойлова, написанных им в последние годы. Многие из вошедшего в книгу были напечатаны в периодике.

4702010202—178

С—236—89

083(02)—89

ББК 84 Р7

50 коп.